

МИР РУССКОГО СЛОВА

ТЕМА НОМЕРА: ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

4/2015

№ 4

В НОМЕРЕ:

2015

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»**

Выходит ежеквартально

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Адрес редакции:

199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-33
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

Редакционный совет:

Л. А. Вербицкая —
акад. РАО, д-р филол. наук, проф.,
Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ,
Президент МАПРЯЛ, Президент РАО

В. В. Воробьев —
д-р филол. наук, член-корр. РАЕН,
проф., зав. каф., РУДН

Л. П. Клобукова —
д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО,
зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Ю. Е. Прохоров —
д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф., проф. СПбГУ

В. М. Шаклеин —
д-р филол. наук, проф.,
член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН

С. И. Богданов —
д-р филол. наук, проф.,
проректор, СПбГУ

М. Ю. Сидорова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. МГУ им. М. В. Ломоносова

С. Н. Голубев —
канд. филол. наук,
Ген. директор ЗАО «Златоуст»

Э. Эндрюс —
д-р наук, проф. Дюкского ун-та

- [официальные материалы]
- 4 Заседание Совета по русскому языку при Правительстве России
- [лингвистические заметки]
- 5 А. П. Вьяльсова
О роли членных причастий
в организации сюжетного времени житийных текстов
- 15 Е. Э. Пчелинцева
Роль имперфективных суффиксов в аспектуальной характеристике
отглагольных имен действия в русском языке
- 21 Т. В. Романова
Язык политкорректности: свой — чужой
- 27 Ю. С. Хукаленко
Лингвистический антропоцентризм в языке научных статей
по биологии
- 31 А. В. Савченко
«Спортивная фразеология» современного русского языка:
общая характеристика и основные особенности
- [лингвокультурология]
- 38 О. Н. Татарникова
Антропоним *Иван* как объект лингвокультурологического анализа
волшебных и новеллистических сказок
- 43 Е. Л. Родина
Сергей Есенин: индивидуально-поэтическое воплощение концепта
«Жизнь» в контексте устойчивой метафорической модели
- [культура речи]
- 49 К. А. Шукина
Прецедентные феномены в *пирожках* и *порошках* —
новых жанрах современной интернет-поэзии
- 55 Ван Циньсян
Универб и производящее словосочетание: синонимические отношения
- [взаимосвязь литературы и языка]
- 59 М. Н. Виролайнен
Русский романтизм в проекции на европейскую
романтическую литературу

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным
адресам, а также на сайте:

<http://mirs.ropryal.ru/>

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

Журнал «Мир русского слова» включен в Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!

По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский
пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского,
39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudentic@yahoo.com

15 декабря 2015 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялось заседание Совета по русскому языку при Правительстве России

Фото с сайта СПбГУ (<http://spbu.ru/news-spsu/24989-v-spbgu-podvodyat-itogi-deyatelnosti-soveta-po-russkomu-yazyku-pri-pravitelstve-rossii-2.html>)

**РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ**

ЯЗЫК ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ: СВОЙ — ЧУЖОЙ

TATIANA V. ROMANOVA

THE LANGUAGE OF POLITICAL CORRECTNESS: "OURS" OR "THEIRS"

Данная статья представляет собой анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». В статье устанавливаются содержательные корреляции между понятиями *политкорректность* и *толерантность*, проводится обзор имеющихся взглядов на проблему в целом и на отдельные её аспекты: рассматривается корреляция штампов и клише сознания с речевыми клише и штампами, а также с прецедентными феноменами; определяются маркеры категорий «свой» — «чужой», границы толерантного речевого поведения и маркеры речевой толерантности.

Ключевые слова: политкорректность, толерантность, оценка, речевые штампы, речевые клише.

The article presents an analysis of clichés and stock phrases as indicators of media's tolerance or intolerance in evaluation of objects, events and phenomena as "ours" or "theirs". The author proposes substantial correlations between the concepts of political correctness and tolerance, reviews existing views to this problem in general and to its certain aspects, such as the correlation of mental clichés with verbal stamps and case phenomena; defines the markers of the categories «one's own» — «alien», the boundaries of tolerant verbal behavior and the markers of verbal tolerance.

Keywords: political correctness, tolerance, evaluation, clichés, stock phrases.

**Татьяна Владимировна
Романова**

Доктор филологических наук, профессор
кафедры прикладной лингвистики и
межкультурной коммуникации

НИУ «Высшая школа экономики»
Нижегородский филиал

ул. Большая Печерская, д. 25/12,
Нижегород, 603155, Россия

► tvromanova@mail.ru

Tatyana V. Romanova

National Research University
Higher School of Economics,
Campus in Nizhny Novgorod

25/12 Bolshaya Pecherskaya Ulitsa,
Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Термин *политкорректность* был заимствован русским языком из английского способом калькирования. В «Словаре иностранных слов русского языка» дано следующее определение: «Политическая корректность, политкорректность — [англ. political correctness, сокр. PC] — «понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной политики <...> имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам» [2: 890].

Если говорить о «жизни» термина, то в настоящее время этот термин становится все более популярным в России, часто используется как синоним необходимой «коммуникативной сдержанности», «умения держать себя в руках», ср. определение: «практика прямого или опосредованного запрета на высказывание определенных суждений, обнародование фактов, употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных общественных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.» [7]. Собственно *корректность* в словарных определениях трактуется как «соблюдение в словах и поступках требований вежливости, приличий, долга» [3]. Русским языком слово было заимствовано

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-04-00534.

в XIX веке из французского языка, где *correct* — ‘правильный, корректный’, производное от латинского *correctus* — ‘правильный’, в свою очередь произошедшее от глагола *corrigerе* — ‘приводить в порядок, корректировать, спрямлять’ [11: 147]. Таким образом, несмотря на большой ряд синонимов, можно полагать, что синоним *правильность* лучше всего передает изначальный смысл слова *корректность*. Видимо, корректность как коммуникативную характеристику можно включить в полевую структуру другой коммуникативной характеристики, получившей наименование тактичность, или такт: «Такт... (лат. *tactus* — прикосновение) — чувство меры, подсказывающее правильное отношение, подход к кому-н., чему-нибудь, создающее умение держать себя подобающим образом» [9]. В этом смысле политкорректность соотносится и с такими регулятивами, или постулатами коммуникации, как вежливость, учтивость, обязательность. Синонимами слова *корректность* являются: *любезность, галантность, обходительность, уважительность, предупредительность, правильность, пристойность, вежливость, тактичность, точность, деликатность, приличность, учтивость, четкость* [3].

Для нас важной является лингвистическая составляющая рассматриваемого регулятива, а именно язык политкорректности. В. В. Майба в статье «О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)» пишет: «Под языком политкорректности естественно понимать словарь, „очищенный“, „правильный“ вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном положении» [5: 102]. Исследователь рассматривает язык политкорректности как двухуровневое образование, включающее идеологемы, то есть слова и выражения, которые непосредственно выражают ценности и установки политкорректности, и собственно политкорректные языковые единицы, представляющие собой результат применения идеологем политкорректности к языковой системе.

Политкорректность представляет общественную жизнь полярной, выделяет в ней «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное»,

«добро» и «зло». С помощью таких оппозиций задаются базовые ценности политкорректности, например, *равноправие/дискриминация, терпимость/нетерпимость, уважение/унижение*. Перечисленные лексические единицы представляют собой лексико-семантическое ядро полевой структуры концепта (понятия) *политкорректность*. Следует заметить, что лексический пласт, используемый для наименования всевозможных отрицательных явлений, которые противопоставлены политкорректности, представлен большим количеством разнообразных единиц, например, с суффиксом — изм: *гетеросексизм*; сложными словами с частью *-фобия* (от греч. *фобос* — ‘страх, враждебность, нетерпимость, боязнь’ чего-либо): *ксенофобия* и др. (см.: [Там же: 104]).

Периферию полевой структуры понятия *политкорректность* представляют «собственно политкорректные» языковые единицы: для создания «правильного» языка часто используются тропы и фигуры речи: эвфемизмы, перифразы, литота и другие. Неподходящим словам подбирается искусственно созданное, стилистически нейтральное слово без коннотаций. В качестве примеров можно привести пары слов, различающиеся семой ‘дискриминация’: а) *негр* — *афроамериканец*; б) *гомосексуалист* — *гомосексуал*; в) *алкоголик* — *злоупотребляющий алкоголем*; г) *инвалид* — *преодолевающий трудности из-за своего физического состояния*; д) *безработный* — *не получающий зарплату, бедный* — *лишённый преимущества*.

Если пытаться определить характер отношений между понятиями «толерантность» и «политкорректность», то, с нашей точки зрения, толерантность является содержанием, принципом, основой определённого социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой, его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения наряду с вежливостью, тактичностью. Толерантность определяет, что надо делать, но не даёт инструкций — как. Политкорректность,

наоборот, представляет собой в первую очередь «пособие» по тому, как следует достигать реализации на практике определенной идеи. Именно принцип толерантности является идеологической основой политкорректности и политкорректного языка.

Данное исследование представляет собой анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». Материалом для нашего исследования послужили авторские статьи федеральной газеты «Аргументы и факты» (далее — *АиФ*) и регионального приложения «Аргументы и факты — Нижний Новгород» (далее — *АиФ-НН*) за 2014 год.

В отличие от телевизионных СМИ, отражающих прежде всего официальную точку зрения правительства, и электронных СМИ (блоги, новостные порталы и т. д.), чаще «говорящих от лица народа», газеты соединяют обе эти позиции, добавляя к ним развёрнутые комментарии экспертов. Именно эти комментарии содержат субъективную оценку, которая часто основывается на ментальных стереотипах, с которыми соотносятся определённые штампы и клише сознания. Стереотипы сознания зачастую связаны с оценкой тех или иных предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». Через используемые при подобной оценке речевые клише и штампы представляется возможным определить уровень толерантности лингвокультурного сообщества и существующие в его сознании стереотипы.

Использование клише и штампов необходимо для достижения взаимопонимания и кооперации внутри «своей» социальной или половозрастной группы [6: 607]. Для говорящего часто клише и штампы маркированы как «свои» или «чужие», имеют определённую стилистическую окраску и употребляются в ограниченном кругу коммуникантов, а также приобретают ту или иную знаковую характеристику в зависимости от типа коммуникации. Поэтому их употребление, выполняя функцию пароля, является сигналом принадлежности именно к этому социуму. В. В. Красных в монографии «Виртуальная реаль-

ность или реальная виртуальность» рассматривает штампы и клише сознания в рамках концепции прецедентных феноменов: «Они служат для выражения экспрессии, передачи „красоты“ языка и **способствуют определению собственного места и места собеседника на шкале ‘свой/чужой’** (выделено мною. — Т. Р.)» [4: 114].

Речевые штампы и клише коррелируют со штампами и клише сознания. Штампы и клише сознания — это психологические феномены, своеобразными «отражениями» которых являются языковые клише и речевые штампы, соотносящиеся с прецедентными феноменами в широком смысле этого термина (которые в таком случае подразделяются на собственно прецедентные феномены и на стереотипы). Это структуры, вызываемые из сознания с помощью тех или иных ассоциаций и не требующие объяснения для представителей определённого лингвокультурного сообщества

Можно предположить, что именно клише сознания, «вызываемые» с помощью семантико-когнитивной ассоциации, будут выражать оценку. Штампы же сознания, для которых действительны только фонетико-звуковая ассоциация и ассоциация-штамп и которые не имеют глубинного смысла, в оценке участвовать не будут.

В осознании того или иного этноса как «своего» важную роль играют непосредственно наблюдаемые обычаи, особенности поведения. Оценка «свой» изначально является осознанием кровного родства группы людей, в которой человек осознаёт себя свободным и противопоставляется «чужим»; значения «свой» и «свободный» связаны, что отражается в связи соответствующих корней в русском языке [8: 480]. Таким образом, первоначальным значением прилагательного *свободный* становится значение принадлежности к группе, которая даёт человеку привилегии, не доступные чужакам. Концепт СВОИ зафиксирован во всех группах индоевропейских языков, отличаются только формы его представления. В греческом корень с двойственным значением «сам, себя» и «свой» характеризует человека как отдельного индивида и как «своего» в одно и то же время [Там же: 481]. В славянских языках

этот же корень развивается по тому же пути, что корень *взрасти* в латыни, и связывает понятия «отдельный человек, индивид», «народ» и «свободный человек» [Там же]. Ещё одна, нетипичная связь обнаруживается в германских языках. Это связь между словами *свободный* и *любить* [Там же: 481–482]. Таким образом, «свои» — это люди, которые принадлежат к той же группе, а потому друзья, любимые, в отличие от «чужих».

Исследователями отмечено, что оппозиция «свой»-«чужой» представляет собой основную бинарную оппозицию как мировой, так и конкретно русской культуры, основополагающую категорию сознания, сформировавшуюся в процессе осмысления действительности. Выделено одиннадцать когнитивных признаков этой оппозиции: 1) пространство (верх/низ, право/лево, близко/далеко и т. д.); 2) время (настоящее («своё»)/прошлое и будущее («чужое»)); 3) язык (один язык/разные языки, понятная/непонятная речь); 4) человек (человеческий/нечеловеческий); 5) род, семья (родственные/неродственные отношения); 6) возраст (старший/младший, ребенок/взрослый); 7) гендер (мужчина/женщина); 8) принадлежность (личный/принадлежащий другим); 9) степень близости (знакомый/незнакомый, друг/враг); 10) религия (христианин/иноверец, верующий/неверующий, праведный/греховный); 11) этнос (одной/разных национальностей) [10]. Указанные признаки, упорядочивающие язык, мы будем использовать для определения оценки «своего» или «чужого» при анализе газетных источников.

Задачами исследования явились определение частоты, тематики, специфики использования речевых штампов и клише в реализации толерантных или интолерантных речевых стратегий.

Мы исходим из того, что исследуемый феномен является маркером толерантности, если выполняет одну из следующих функций: а) способствует снижению категоричности высказывания; б) изменяет специфику подачи критики, смещая акцент в сторону «обеспокоенности» ситуацией; в) апеллирует к авторитету с целью объективации оценки; г) указывает на субъективность мнения автора [1: 26].

Исследователи делят клише на пять групп: 1) общеизвестные фразеологизмы, пословицы, крылатые слова и выражения и др., не соотносимые с какой-либо исторической эпохой; 2) фразеологизмы неясного или авторского происхождения, которые могут быть речевыми оборотами, крылатыми фразами из кинофильмов или просто распространенными клише, зачастую относящимися к просторечиям; 3) выражения нелитературного характера, используемые в более интимных ситуациях общения, а также клише-«джокеры» — фразеологизмы, выполняющие в речи роль междометия, служащие сигналом «закрытия темы»; 4) советизмы; 5) постсоветские клише, а также клише-однодневки, которые быстро выходят из употребления и не обладают устойчивыми коннотациями [6].

Самыми популярными темами указанного газетного издания в период с января по март 2014 года были события на Украине в феврале 2014 года и Олимпиада 2014 года в Сочи.

В газетных статьях этого периода фиксируются новые речевые штампы и клише, вызывающие ассоциацию с событиями, становящиеся прецедентными ситуациями, например с событиями на Украине. Эти высказывания и номинации, имеющие устойчивые ассоциативные ряды — *майдан*, *евромайдан*, *Болотная площадь*, *кто не скачет — тот москаль*, — в этих статьях появляются впервые, чаще в сильной позиции текста, позиции заголовков (АиФ. 2014. № 3). Использование клишированных выражений в функции заголовка способствует формированию глубинного смысла прецедентного высказывания.

Ответная оценочная реакция автора этой статьи, представляющая собой трансформацию указанного выше выражения: «*Кто не пляшет, тот хохол!*» (АиФ. 2014. № 3. С. 8), говорит об интолерантном отношении «к бунтовщикам», «чужим» для нашей страны, что отражается и в противопоставлении уничижительных прозвищ *хохол* и *москаль*. Россия же концептуализируется в образах «простодушного Ивана» и «жалостливой Алёнушки», готовых кормить всех соседей. Эти клише ассоциируются также и с образом

Ивана-дурака из русских народных сказок, на которого сваливаются все беды и которого всегда «назначают» виноватым.

В публикации «Украинская зима» события на Украине сравниваются с *арабской весной* — по аналогии создаётся выражение *украинская зима* (АиФ. 2014. № 5. С. 6). При описании конфликтов и их причин используются интолерантные, грубые речевые выражения: *толкает речь, шлюет на три весёлых буквы, держится на соплях, довёл до ручки, спустил власть в унитаз*, — которые применительно к русской когнитивной базе тоже можно назвать речевыми штампами и штампами сознания.

На пике украинского конфликта в газетных публикациях используются ассоциации с Великой Отечественной войной — «Оборона Севастополя» (АиФ. 2014 № 9. С. 12). В этом случае используются преимущественно речевые клише, в том числе фразеологизмы и разговорные клише, не имеющие авторства: они помогают автору выразить свою позицию, которую поймут все представители того же лингвокультурного сообщества.

В анализируемых публикациях наша страна сравнивается с другими государствами. В сравнении России и Советского Союза часто используются те штампы и клише, которые апеллируют к текстам советских песен, а также к классическим литературным произведениям. Так, власть, решающая идти по стопам тоталитарного режима, сравнивается с Фамусовым из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «*Забрать все книги бы да сжечь*» (Русь новая и уходящая // АиФ. 2014. № 4. С. 6). В описании консервативно настроенной власти применяется и другое клише: «и лучше всего *сидеть на печи*». Сравнение с литературным героем или со сказочным персонажем определяет оценку, но одновременно и смягчает критику, что является одним из показателей толерантного речевого поведения.

Часто используются трансформации речевых клише и штампов. Эти выражения иногда апеллируют сразу к двум прецедентным феноменам, например к имени и высказыванию, и образуются путём их соединения. Так, новая

власть, желающая перемен, именуется журналистом *птеницы Гайдарова гнезда*, что ассоциируется с прецедентным высказыванием *птеницы гнезда Петрова*, и прецедентным именем *Егор Гайдар*. Таким образом, подобный тип власти, через ассоциацию с реформаторами времен Российской империи, Советского Союза и России, оценивается положительно, толерантно. Именно когнитивная опора (объект, к которому апеллирует автор) передаёт позицию автора, тип оценки.

В статьях спортивной тематики по большей части используются клише не авторского происхождения, часто просторечные, но в большинстве своём не нарушающие принцип толерантности. Их специфика заключается в том, что значение 'свой' или 'чужой' в таких клише является одним из основных и «поверхностных» — такие клише функционируют как штампы, для понимания значения которых достаточно присутствия в их структуре слов *свой* и *чужой* или сем 'свой'/'чужой': *свой в доску, свои среди чужих, заокеанские арбитры; боимся сглазить, но есть предчувствие, что скандинавы не будут чувствовать себя на сочинской лыжне как дома* и др. (Игры — 2014: у нас все дома! // АиФ. 2014. № 6. С. 13)

Таким образом, выделенные речевые штампы и клише можно классифицировать следующим образом: новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними событиями; фразеологизмы и просторечные клише, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества, используемые автором для выражения собственного мнения, часто нетолерантного; клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам, использующиеся с целью обеспечения «эффекта толерантности» при выражении / передаче авторского мнения; клише, функционирующие как штампы, имеющие в парадигме значений компонент 'свой' или 'чужой'.

При этом клише в роли штампов используются исключительно там, где автор хочет подчеркнуть очевидность различий «своих» и «чужих» — в спортивной сфере, а клише, призванные обеспечить толерантность высказывания, — там, где

речь идёт об оценке нашей страны. Интолерантное речевое поведение характеризует позицию автора в публикациях о событиях в других странах, в том числе о военных конфликтах, а также о ситуациях интолерантного отношения к России со стороны других государств. Подобный результат возможно связать с нынешней установкой на толерантность в публичной сфере и в СМИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследуемая в данной публикации проблема включает три основных аспекта: проблему толерантности, речевой экспликации штампов и клише сознания и оценочных категорий «свой» и «чужой». Эти отдельные аспекты продуктивно изучаются отечественными исследователями: В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров, Т. М. Дридзе, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, И. В. Захаренко, В. Г. Костомаров, Д. Б. Гудков — штампы и клише сознания; В. И. Карасик, В. В. Красных — категории «свой» и «чужой»; Т. А. Шаповалова, Т. А. Воронцова, И. А. Стернин, К. М. Шилихина, Т. Г. Винокур — речевое поведение и проблемы толерантности; Т. В. Маркелова, З. К. Темиргазица, В. В. Виноградов, Т. И. Вендина, Г. А. Золотова, И. Н. Худяков, Е. Ф. Петрищева, Т. В. Романова и др. — категория оценки и средства её выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова Т. А.* Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 21–31.

2. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. М., 2000.
3. Корректность // Словарь синонимов системы ASIS [сайт]. — URL: <http://slova.zkir.ru/dict/корректность>
4. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. М., 1998.
5. *Майба В. В.* О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 102–108.
6. *Николаева Т. М., Седакова И. А.* Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue de sétedesslaves. 1994. Т. 66. Fasc. 3. P. 607–625.
7. Политическая корректность // Википедия [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_корректность.
8. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
9. *Такт // Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. — URL: <http://www.efremova.info/word/takt.html>.
10. *Хохлина М. Л.* Особенности фразеологической категоризации «своего» и «чужого» // Вестн. Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Филол. науки. 2011. № 2. С. 90–98.
11. *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 7-е изд., стереотип. М., 2004.

[хроника]

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ...»

(Окончание. Начало на с. 20)

После проведения пленарного заседания работа была организована по 13 направлениям: 1. Информационно-коммуникационные технологии в теории и практике преподавания РКИ. 2. Учебный, научный и деловой текст как единица обучения РКИ. 3. Медiateкст: лингводидактический потенциал. 4. Функциональная грамматика и текст. 5. Дискурсивная функция лексики и словообразования. 6. Звучащий текст в практике обучения РКИ. 7. Лингвокультуроведение и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте РКИ. 8. Художественный текст как средство формирования билингвальной личности. 9. Интерпретация текста и проблемы перевода: лингводидактический аспект. 10. Учебники и учебные пособия, образовательные стандарты и программы по РКИ. 11. Система тестирования по русскому языку как иностранному на современном этапе. 12. Методические аспекты преподавания РКИ. 13. Проблемы лингвистической текстологии и источниковедение.

В рамках конференции были проведены два Круглых стола: «Информационно-коммуникационные технологии. Сетевые проекты» и «Художественный текст как объект лингводидактики».

Доклады участников были связаны с текстом как основной темой и проблематикой конференции. Выступающие рассматривали проблемы своих сообщений с позиций современной лингвистики, опираясь на идеи коммуникативного и функционально-коммуникативного подхода к языку. Отдельные доклады были посвящены проблеме билингвизма, в частности, формирования билингвальной личности. Разнообразие тематики докладов продемонстрировало теоретическую и практическую важность и актуальность лингвокультурологических исследований в рамках преподавания РКИ.

К началу работы конференции был опубликован сборник материалов конференции.